

Фотограф: Никита Инфантьев

предки». Я помню, как мы с папой туда пришли, простояв часа полтора-два в очереди, а там балыки, колбасы, то, чего в войну не было, и вдруг вернулась в этот магазин та самая довоенная шикарная жизнь. Мы купили калач и икры граммов сто.

Валерия Яковлевна Иолко говорила мне: «Лелька, вот на спор — ты не съешь десять пирожных». — «Я не съем?» — «Не съешь. Давай на спор — если ты съешь, я тебя веду в цирк, а если не съешь, ты меня ведешь в цирк». — «А где я деньги возьму?» — «Я тебе дам». Она шла в Елисеевский или в «Центросоюз» на Покровке, где тоже был коммерческий отдел, или в кондитерский на углу Армянского переулка и Маросейки, покупала десять пирожных, наливала чашку чаю и на меня смотрела. Я поглощал наполеоны, трубочки, корзиночки, эклеры, запивал чаем и говорил: «Я победил». — «Тогда пошли в цирк». Но это было очень редко. Пирожное стоило по тем временам тридцать пять рублей, а зарплата была в размере двухсот-трехсот.

Сейчас я уехал с Покровки. Для меня это — конец жизни. Потому что я не представлял себя без этой комнаты в коммуналке. Там было пять комнат. Принадлежала квартира моему деду со стороны матери, Ильинскому Сергею Михайловичу, церковному архитектору. Потом началась революция. Его уплотнили, подселили две семьи.

У нас осталось три комнаты. Так мы в этих трех комнатах и жили. С соседями по квартире были очень дружны. Почти одна семья. Когда все померли, я пошел в Моссовет и умолил, чтобы мне оставили одну комнату на правах аренды. Они это сделали. Я разобрал все начиная с девятьсот первого, кажется, года, в этой квартире, оставив самое для себя дорогое в десятиметровой комнате. Там я и жил, чувствовал себя дома, я на съезды народных депутатов оттуда ходил пешком в Кремль. У меня было ощущение, что я продолжаю ту жизнь, которой жили мать, отец, дедушка и бабушка. По этим камням ходили, по Покровке, в «Центросоюз», «стеклянный» магазин, еще куда-нибудь, а теперь я вынужден эту комнату покинуть, корни мои отрублены.

Ваш дедушка был архитектором. Скажите, пожалуйста, что он построил в Москве? Я, к сожалению, дураком был таким, занимался рисованием, а у дедушки оставалось очень много свернутых в трубочку больших ватманских листов с его чертежами. Меня эти чертежи абсолютно не интересовали, а там были проекты домов, церквей. Я их разрезал, использовал «чистую» сторону для своих рисунков. Таким образом уничтожил все его чертежи. Все это пропало. А я знаю, что он построил и отреставрировал очень много церквей.

Олег Басилашвили:
«Я прекрасно понимал,
что мне надо помочь стране»